
Источник: Русская романтическая новелла. /Сост., подготовка текста, вступ. статья и примеч. А. Немзера; Худ. Б. Тржемецкий. -- М.: Худож. лит., 1989. -- 384 с ил. (Классики и современники. Рус. классич. лит-ра)

OCR и вычитка Титиевский Давид, Хайфа, Израиль, davidtit@land.ru, 10 июля 2003.

Величайшие счастливицы, по моему мнению, скрываются в неизвестности: их не заметит взор милостивца, минует почесть, забывает или, лучше, не помнит потомство. Ничтожество спасло их от благодарности, славы и истории и схоронило без монументов и похвальных слов. Поступки их не были подчинены самовольной контроле крикунов, составляющих, от *нечего делать*, общественное мнение, как журналисты составляют моды картинками повременных изданий.

Завидная участь! Но есть род людей странного порядка, не менее счастливый, по крайней мере в отношении к потомству: это люди с огромною посмертною славою и без истории. Они оставили великолепные памятники своих гениальных способностей, но ни одного предания о своей жизни. Одна невыгода: жизнь таких людей делается добычею поэтических сказаний, основанных большею частию на личном характере рассказчиков и одно другому противоречащих до того, что, например, Антонио Аллегри да Корреджио, по их словам, был и богат и беден, женат на двух женах и холост, имел многих детей и ни одного, родился и умер в разных годах, был и не был в Риме, и т. д.

Мало. Поэзия сочинила для него рост, лицо, глаза, характер, язык, нанесла ему множество обид и оскорблений и, наконец, уморила под тяжестью медных денег. Со смертью, казалось бы, все должно кончиться. Нет; поэзия преследовала детей, и вот рассказ, почти переписанный с итальянской рукописи XVI-го столетия, как доказательство.

--

Не доезжая до Модены, можно сказать за несколько шагов, на небольшом пригорке стоит еще и доньяне некрасивая австерия с большою вывеской. Дождь уничтожил даже следы красок, и только внизу на полинялом поле с трудом можно разобрать МССССС(Д) XXIV. Несмотря на совершенное отсутствие изображений, хозяева австерии, один другому наследуя в продолжение четырех столетий, ни за какие благополучия не хотят сменить медной доски, продолжают называть ее Золотым Рогом, часто упоминают о Богине Изобилия, а простолюдин, считая древность святынею, никогда не проходит мимо, не преклонив колена и не сотворив креста перед вывескою Золотого Рога.

Но, в 1573 году, и австерия, и вывеска были в весьма хорошем состоянии; Модена кипела жизнью; каждый день новые гости; посольства, обозы, пешеходы часто у австерии ожидали утра, многие любовались изображением "Богини Изобилия"; многие приходили в австерию нарочно для прекрасной вывески. Действительно, живопись не лишена была некоторых достоинств, носила характер новой школы, недавно распространившейся в Северной Италии, и считалась произведением самого Корреджио. И неудивительно, что вывеска с таким знаменитым именем привлекала толпу любопытных. Прошло не более сорока лет после смерти божественного Корреджио: в каждом трактире утверждали, что Корреджио был постоянным его посетителем; вывески с его именем умножались, как ручки и копии в монастырях итальянских, во всех местах, где были картины Аллегри, рассказывали анекдоты о великом мастере, противоречиям не было конца: в Париже он был богачом, в Модене нищим; в Корреджио домовитым, счастливым семьянином. В австерии Золотого Рога ни о чем более не говорили, как о знаменитом творце вывески.

Утро воскресного дня освещало шумную Модену; посетители в этот день не засиживались в австерии: они спешили в город, опасаясь опоздать к обеду. Хозяин, плечистый, высокий мужчина, отпустив всех гостей, лежал под навесом, пристроенным к австерии, откуда путешественники могли любоваться панорамой Модены и видом на озеро, которое, как в золотом ковше, колыхалось в высоких скалах. Изредка приподымался он поглядеть на дорогу и угадать в далекой пыли богатого всадника или